

Фёдор СУХОВ

СЛЫШУ ЗВОН КОЛОКОЛЬНЫЙ

ЖИВАЯ КАПЛЯ

Мне кажется, что скоро я отчаю,
В неведомое море уплыву.
Не омрачайте глаз своих печалью
И не темните неба синеву.

Глубокое, неведомое море
Подхватит утлый чёлн мой. И тогда
Плоть необмытую мою обмоет
Зелёная солёная вода.
И вознесусь я – чистый, аки агнец, –
К предвечному престолу бытия.
Воззрит очами на меня и ахнет
Всевышний беспристрастный судия.

Он без суда откроет предо мною,
Как в дивной сказке, райские врата.
И тут-то я забуду всё земное,
И друга позабуду, и врага.

И заживу безгрешно, бестелесно,
Как праведник, смиренно заживу.
Язык мой – враг мой. Буду бессловесно
Переносить и холод, и жару.

Но все-таки придет он, тот незримый,
Мой тайный час приблизится ко мне,
Когда я затоскую о родимой,
Заплачу о покинутой земле.

Я изойду горячими слезами
И не во сне – расплачусь наяву,
А эти слёзы в Курске или в Рязани
Небесной благодатью назовут.
Так, значит, правду говорят, что нету,
Что не бывает худа без добра, –
Вернусь я на родимую планету
Живой звенящей каплей серебра.

1964

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Не ввожу себя в искушение,
В благодатной живу тиши.
Здравствуй, Вербное воскресенье,
Воскресенье моей души!

Возвращение той далёкой
Ранней-ранней моей весны,
Что весь день не спускает ока
С окунувшейся в прорубь блесны.

Что захлебывается снежницей
На зелёном озёрном льду,
Что скворчиным пером лоснится,
Задыхаясь в грачином чаду!

Чад грачиный и крик грачиный
Будят спящий в берёзах сок...
Луговой бежит низиной
Спотыкающийся ручеёк.

Уступаю, даю дорогу
Озорному говоруну
И хочу подобию-поздорову
На взошедшую глянуть луну.

На слезающий месяц глянуть,
Он так низко висит надо мной,
Он упал на мою поляну
Хрупко стынувшей тишиной.

Пал светящимися слезами
На воскресшую вербу мою,
Ну а я будто в праздничном зале,
Будто в храме царской стою.

1970

Грачиным криком подняло утро,
Большое солнце оно подняло.
И всё сияло. И всё как будто
В воде стояло у крутояра.

А у обрыва светилась ива,
Она ручьи, она так чисто,
Она слезилась, да так счастливо,
Так серебристо, так голосисто.

От этой светлой печали-грусти
Такая радость входила в душу,
Что всякий пруттик, что всякий кустик
Уже не помнил былую стужу.

Былой обиды не знал, не ведал
Мой тальниковый, поёмный берег,
И только ветер, и только ветер,
Его порывы не оробели.

Резвей скакали его комони,
С горы на гору они скакали,
Чтоб веселее, неутомней
Ручьи кидались на дикий камень.

Слышней бежали по луговине,
По соловьиной катились пади,
К незабытой спешили иве,
К неугасимой её лампаде.

1972